

А. М. Авласович, Институт истории НАН Беларуси, отдел средних веков и Нового времени, аспирант, магистр исторических наук (г. Минск, Беларусь)

Историография и методика археологического изучения курганных некрополей эпохи Древней Руси на территории Могилевского Поднепровья и Посожья в дореволюционный период

В историографии традиционным является членение исследований на дореволюционный, межвоенный и послевоенный периоды изучения. В зависимости от результатов и объемов проводимых работ возможно выделение периода 1980–1990-х годов и современного – 2000–2015 гг. Для изучаемого региона – Могилевского Поднепровья и Посожья – такое деление является приемлемым. На долю дореволюционного периода приходится основная масса проведенных исследований. Это время поиска и разработки методик проведения археологического исследования курганных насыпей. Результаты научных изысканий начинают восприниматься как полноценный исторический источник. Первоначально раскопки являлись средством накопления археологического материала. Однако его постепенное приумножение способствовало формированию новых исторических интерпретаций, соответствовавших уровню научных знаний эпохи.

Рассмотрим исключительно дореволюционные исследования, осуществленные на территории Могилевского Поднепровья и Посожья. Особое внимание уделим выработке методики археологических изысканий и концептуальным подходам, отраженным в трудах исследователей.

Первые достоверно известные науке археологические исследования курганных некрополей могилевского участка бассейна р. Днепр были осуществлены в самом начале XIX в. В 1810 г. капитан русской армии Т. Е. Нарбут произвел раскопки двух насыпей в одном из могильников между Могилевом и Рогачевом. Описание раскопок и выявленные материалы были опубликованы в его девятитомном труде «Dzieje starożytne narodu litewskiego» [37]. Исследователь сделал заключение, что курганные насыпи являются могилами умерших [37, с. 361; 13, с. 36; 15, с. 3]. При этом в научной литературе не содержатся сведения о способе осуществления изысканий и фиксации материала.

В 1870–1980-х годах большой интерес ученых был прикован к двум курганным некрополям в Быховском уезде Могилевской губернии: в имении Вотня и у станции Обидовичи. В результате их одновременного исследования в научной литературе появилась большая путаница относительно места раскопок, года их проведения, автора и найденных артефактов. Окончательная ясность была внесена

в 1979 г. В. В. Богомольниковым и Т. В. Равдиной [3, с. 207–213]. Не вдаваясь в подробности этого исторического расследования, отметим его результаты.

В 1873 г. член-корреспондент Московского Археологического общества, полковник Н. М. Турбин в научных целях осуществил раскопки в Быховском уезде. Им неподалеку от д. Обидовичи Быховского уезда были исследованы шесть курганных насыпей. Из протокола заседания Московского Археологического общества известно, что обнаруженный погребальный инвентарь был передан в общество в соответствии с номерами исследованных насыпей [4, с. 51–52].

В этом же году «по соседству» с Н. М. Турбиным в ходе любительских изысканий штабс-капитана Н. П. Нечаева в имении Вотня на р. Днепр был обнаружен сенсационный материал. При раскопках двух насыпей среди женских украшений офицеру посчастливилось обнаружить четыре сребреника Владимира Святославовича (I тип) и один арабский дирхем Нуха Ибн-Мансура [30, с. 122]. Находки Нечаева вызвали широкий резонанс в Москве, что привело к дальнейшему исследованию могильника. В 1880 г. председатель Московского Археологического общества А. С. Уваров предпринял раскопки 13 курганов в имении Вотня, возможно, с целью отыскания редких монет князя Владимира [15, с. 4]. Однако о результатах раскопок известно лишь в самых общих чертах [3, с. 208].

В дальнейшем определяющую роль в методике ведения раскопок курганных насыпей сыграла специальная комиссия во главе с Д. Я. Самоквасовым, собранная в 1874 г. в Киеве. Члены комиссии принялись за подготовку проекта инструкции для проведения научных раскопок курганов и описания древних земляных насыпей. Данная инструкция предписывала ведение полевого дневника раскопок, нумерацию погребального инвентаря, запрещение его смешения с находками из других насыпей. Дневник раскопок предписывалось предоставлять в тот же музей, в который сдавались на хранение артефакты из исследованных насыпей [32, с. 4]. Д. Я. Самоквасов подчеркивал, что раскопки памятника это, по сути, его уничтожение. Произведенные исследования без должной фиксации (без дневника раскопок с описанием устройства насыпи, положения покойного и расположения сопровождающего инвентаря) яв-

ляются вредными для науки, так как несут совсем незначительный объем информации [32, с. 5–6].

Относительно способов раскопок Д. Я. Самкович указывает такие их варианты, как: 1) послойная съемка от вершины до основания; 2) широкий колодец; 3) широкая сквозная траншея. Исследователь предписывает производить зачистку материковой поверхности, которая может позволить обнаружить контуры подкурганной ямы для последующего ее исследования. Ученый рекомендовал производить раскопки лишь нескольких курганов полностью или сквозной траншеи для выяснения структуры насыпей. После этого исследователь мог осуществлять раскопки в данном могильнике посредством «колодцев» [32, с. 9–10]. Описанная методика хорошо проиллюстрирована в публикациях ее автора [31, с. 26, рис. 6]. К слову, широким колодцем был исследован знаменитый курган «Черная могила» в Чернигове [31, с. 197, 198, рис. 63].

В 1885 г. полковник Н. М. Турбин возвратился в Могилевскую губернию и провел исследования у д. Дымово Шкловского уезда, где им были вскрыты 12 насыпей. Заслугой исследователя является составленная им карта-план расположения курганных могильников у близлежащих деревень. Будучи кадровым военным, Н. М. Турбин указал на карте масштаб, а также направление севера. При достаточно детальном описании курганов исследователь записал размеры насыпей, расположение и ориентацию костяков в погребениях. Относительно того, какая методика исследований была применена при проведении раскопок, достоверных сведений нет. Известно, что раскопки насыпей в курганных группах у Заславля велись траншеями и «колодцами». Однако, следует отметить, что из публикации 1886 г. о раскопках у д. Дымово мы имеем сведения о сидячем положении костяка в одной из насыпей. Исследователь подкрепляет свое утверждение о таком положении умершего, ссылаясь на методику – послойное снятие насыпи [34, с. 86]. Также следует заметить, что в своих публикациях Н. М. Турбин дает описание погребального инвентаря с указанием кургана, в котором он был зафиксирован, в то время как зачастую другие исследователи не утруждали себя указанием конкретных курганов, ограничиваясь перечислением находок из исследованного курганного некрополя. Результаты своих раскопок исследователь иллюстрирует фотогравюрой погребального инвентаря, что делает его публикацию ценным источником дореволюционных раскопок [34].

Изыскания полковника Турбина представляют определенную ценность для археологической науки. Не останавливаясь на простом введении артефактов в научный оборот, отметим аналитическую составляющую в работах Н. М. Турбина. При описании исследователь группирует курганные насыпи от-

носительно способов и деталей погребения, реконструирует последовательность совершения элементов обряда и возведения насыпи, что позволило ему выделить три способа захоронения [34, с. 83–86].

В 1888 г. раскопки курганных некрополей в Бобруйском уезде проводил помещик Н. К. Мышенков. Результаты исследований были опубликованы в статье «Курганы Бобруйского уезда Минской губернии (Исследования 1888 г.)» [19]. Следует отметить высокий научный уровень проведенных изысканий.

В публикации содержатся важные сведения о методике изучения курганных насыпей. В своей статье ученый сначала дает топографическое описание региона, помещает историческую справку относительно вхождения в прошлом этих земель в различные княжества, отмечает общий характер размещения курганных групп и одиночных насыпей. При описании курганных групп указывает их расположение относительно ближайших водных объектов, населенных пунктов, сообщает количество насыпей в могильнике, их общие размеры, а также состояние их сохранности. Н. К. Мышенков замечает, что курганные некрополи в пределах Бобруйского уезда расположены неравномерно. Наибольшая их концентрация находится в северо-восточном направлении от уезда, при этом относительно рек – это, как правило, левые притоки р. Березина [19, с. 61].

Наиболее важным является описание произведенных земляных работ. Н. Мышенков указывает результаты раскопок каждой насыпи, сообщая ее номер, размеры, морфологический состав. Осуществляя исследования могильников на территории Бобруйского уезда, ученый снимал верхнюю часть насыпи на 2/3 ее высоты, далее колодцем производил углубление вплоть до погребения. В этом случае, по замечанию самого исследователя, нетронутыми участками оставалась лишь окраина кургана. Раскопки прекращались при выходе на нетронутую поверхность. Исследователь скрупулезно фиксировал в погребениях остатки деревянных сооружений: их размеры, глубину залегания, характер и мощность слоя, в котором находились данные остатки. Ученым подробно описано сложение зафиксированных конструкций [19, с. 64]. В публикации исследователя содержится информация о расположении костяка – его ориентировка по сторонам света, а также положение рук и другие детали. В случае обнаружения погребального инвентаря имеется указание его расположения относительно костяка, дано детальное описание находок, по которому их можно соотнести с современными типологическими таблицами [19, с. 65]. В своей публикации исследователь разместил фотографию и рисунки погребального инвентаря, что облегчает определение типа артефакта.

В общей сложности Н. К. Мышенков исследовал 22 кургана в четырех могильниках. Из описаний следует, что раскопки он проводил со знанием положений инструкции 1874 г.

Работа Н. К. Мышенкова примечательна своими построениями и интерпретациями на основе собственных исследований. Так, отмечая концентрацию насыпей малого размера относительно больших курганов, ученый высказывал мнение о том, что курганные могильники представляют собой родовые кладбища, в больших насыпях которых погребены старшие члены рода. К этим насыпям прилегают меньшие по размерам курганы, в которых, по наблюдению исследователя, в большинстве случаев находятся женские погребения с богатым сопровождающим инвентарем. Парные погребения мужчины и женщины Н. К. Мышенков характеризует как более «знатнейшие или любимые». В таких случаях они зачастую ориентированы головами в противоположном направлении, но лицами друг к другу [19, с. 60–61].

Некрополи с бессистемным расположением курганов Н. К. Мышенков характеризует в качестве общих кладбищ нескольких поселений, в которых большие насыпи могли быть родовыми, либо принадлежали «начальникам» [19, с. 59–60].

Из описания общей характеристики насыпей видно, что уже к концу XIX в. большинство из них имели значительные впадины. Реже замечены курганы с целыми вершинами. Данное обстоятельство ученый объясняет ветшанием внутрикурганных деревянных конструкций или гробов, а также разложением тела погребенного, вследствие чего и произошло оседание. При этом исследователь замечает, что в некоторых случаях в курганах с впадинами склепы не обнаружены. Случаи, когда под насыпью с впадиной найден костяк без анатомического порядка, он объясняет грабительскими раскопками. Также ученый обращает внимание на наличие у некоторых насыпей околочурганых ровиков, которые называет ложбинами. Причину их образования он видит в заборе земли при возведении насыпи. Перемычки в ровиках исследователь расценивает в качестве прохода на курган [19, с. 61].

Ученый пробует установить связь формы кургана в зависимости от расположения погребения в насыпи: в пирамидальных по форме курганах, как правило, костяки были расположены выше уровня земли – в насыпи [19, с. 59–60].

В 1889 г. археологические изыскания в бассейне р. Березина проводил Н. П. Авенариус. Внимание ученого привлекли три курганные группы у д. Эсьмоны. О результатах и методике проведенных исследований мы можем судить из отчета Императорской Археологической комиссии за 1889 г. В своем отчете ученый отмечает историю изучения данного

памятника, указывает фамилии и результаты исследований своих предшественников. Как и в работе Н. К. Мышенкова, Н. П. Авенариус сообщает сведения о расположении могильников на местности и относительно друг друга, о количестве насыпей и их сохранности в каждой группе. Ученый указывает размеры каждого исследованного им кургана, а также отмечает у некоторых насыпей сохранившиеся околочурганые ровики, образованные, по его мнению, при возведении насыпи [20, с. 45].

Описание стратиграфии насыпей ведется им сверху вниз. Исследователь указывает глубину залегания погребений (относительно вершины кургана или от древнего горизонта), ориентировку и детали в расположении костяков. Судя по детальному описанию расположения костяков, описанию сидячего положения погребенных в нескольких насыпях, а также описанию системного расположения камней и фрагментов дерева, сохранившегося от погребальных конструкций, следует полагать, что исследователь проводил послойное снятие насыпи с тщательной зачисткой погребений. В ряде мест встречаются сведения о материковой глине, что свидетельствует о раскопках насыпей до материка [20, с. 46].

Подробное описание раскопок третьего кургана в третьей группе позволяет говорить о раскопках посредством широкого колодца, который позволил Н. П. Авенариусу зафиксировать четыре погребения в разных «концах» насыпи, а также связать конкретный слой с каждым погребением [20, с. 48]. Следует отметить, что отчет исследователя снабжен двумя рисунками находок [20, с. 48, рис. 14–15].

Избранная методика исследования, а также внимательное ведение раскопок и точная фиксация позволили Н. П. Авенариусу реконструировать погребальную конструкцию и детали обряда захоронения: сидячие погребения находились в деревянных конструкциях, сложенных из брусьев. Основания этих брусьев были укреплены двумя рядами уложенных камней [20, с. 47].

С конца 1880-х годов активное исследование курганных древностей проводил инспектор народных училищ Витебской губернии (с 1895 г. – инспектор Могилевской губернии) Е. Р. Романов. Одной из главных заслуг ученого перед белорусской археологией стала разработка первых методических рекомендаций о проведении археологических раскопок курганных могильников. В 1909 г. Е. Р. Романов издал в Вильно «Краткія указанія для совершения археологическихъ экскурсій средними учебными заведениями Виленскаго учебнаго округа» [25]. Эта работа требует особого рассмотрения. Прежде всего, в ней содержится весьма важно замечание исследователя о том, что для проведения археологических раскопок необходимо иметь открытый лист Императорской Археологической Комиссии. Перед

началом экспедиции ученый предписывает изучить все имеющиеся сведения о памятниках той местности, где должны быть осуществлены раскопки, с результатами изысканий своих предшественников. Е. Р. Романов считает, что каждый исследователь должен быть знаком с историей того народа, памятники которого собирается изучать [25, с. 1–2].

Для проведения раскопок необходимо иметь следующие предметы: компас, рулетку (не менее 10 сажень), несколько тонких стальных щупов (до 1¼ аршина) с горизонтальной рукоятью, широкий тонкий ножик для расчистки костяка, небольшой узкий нож для разборки предметов на костяке, два проводочных сита с разными ячейками для просеивания земли, записную книжку [25, с. 2]. Также исследователь приводит форму и порядок, по которой должны быть внесены сведения об изучаемой насыпи.

Согласно Е. Р. Романову, необходимо было указать местоположение могилы, размеры кургана (высота, диаметр, длина, ширина), отметить сведения о костяке (его длина, направление лица, ориентировка по сторонам света), а также указать год, месяц и час. Кроме указанных вещей, предписывалось иметь фотографический аппарат или обеспечить участие в экспедиции фотографа. Для находок и костей исследователь рекомендовал использовать мешки из плотной бумаги. При этом на них должна была наноситься надпись с указаниями места раскопок, номера кургана, номера могилы [25, с. 3–4]. Исходя из данного предписания, ученый, как это предписывают нормы современной археологии, забирал из погребения все, в том числе и краниологический материал. Для хранения сосудов Е. Р. Романов рекомендовал использовать картонные коробки. Большой опыт и наблюдательность ученого позволили дать рекомендации даже по соотношению насыпи с количеством необходимых для ее исследования рабочих [25, с. 4]. В данной брошюре Е. Р. Романов отмечает, что описания раскопок, чертежи, планы и снимки раскопок при их публикации внесут сильный вклад в историческую науку [25, с. 5].

Ученый рекомендует избегать насыпей, густо поросших деревьями или с ямами на вершине, объясняя это высокой вероятностью нарушения погребения корнями деревьев или раскопками кладовщиков либо дилетантов. Исследователь отмечает, что о проведенных раскопках должен быть составлен протокол и, повторяя слова Д. Я. Самоквасова, указывает, что при отсутствии такого протокола курган считается варварски уничтоженным для науки [25, с. 5]. Данный протокол (дневник курганных раскопок) должен содержать сведения о местоположении курганной группы (губерния, уезд, волость, расстояние от ближайшего населенного пункта, водного объекта и близлежащих памятников археологии). Также следует указывать рельеф и местность,

на которой расположен памятник, форму могильника. Далее необходимо: отмечать количество целых насыпей, раскопанных, поврежденных дилетантами или распахкой; описывать форму исследуемых насыпей и какой растительностью она покрыта; делать отметки о наличии или отсутствии околокурганных ровиков, записывать их размеры и нахождение относительно сторон света; при наличии камней уточнять, является их расположение системным или нет; указывать размеры насыпи; дать информацию о местном названии данного памятника и связанных с ним легендах [25, с. 6].

После этого насыпь следовало сфотографировать и нанести на сетку раскопа. Далее предписывалось описать ход раскопок. Исследование могилы, обложенной камнями, необходимо было обвести внешней канавой и из нее вести послонную съемку грунта горизонтальными штыками. Исследование насыпи Е. Р. Романов рекомендовал проводить сплошными или промежуточными траншеями. Их размеры должны были составлять 9 аршин (6,39 м) с севера на юг и 6 аршин (4,26 м) с запада на восток. Для удобства снятия тонкими послонными пластами Е. Р. Романов рекомендовал вдоль траншеи делать канавы, с которых послонная съемка была удобнее. При снятии грунта необходимо было пользоваться щупом для определения глубины залегания погребения [25, с. 6]. При обнаружении захоронения его стоило обнести колышками и снимать землю за их периметром на 4–5 вершков (17,6 × 22 см), оставляя таким образом песчаный останец 3 × 1 аршин (2,13 × 0,71 м). После обнаружения всех погребений их надлежало нанести на план вместе с траншеей. Далее следовало очистить обнаруженные костяки от земли при помощи ножей и метелки. Работы предписывалось проводить так, чтобы не сдвинуть кости и инвентарь с места. После очистки их следовало описать в дневнике раскопок, отметить положение относительно друг друга, нанести на план, сфотографировать и приступить к выемке. При обнаружении мелких предметов, задействовать сито. После изъятия костяка и сопровождающего материала следовало произвести зачистку и продолжить раскопки до материковой поверхности [25, с. 7–8].

Однако подобные прогрессивные идеи сложились у ученого не сразу, методика проходила процесс совершенствования. Еще в 1888 г. насыпи раскапывали послонно: малые курганы – до 1/2 высоты, а большие курганы – на 2/3 высоты. Далее делали отступ около аршина (0,71 м) от края основания насыпи и оставшуюся его часть прорезали траншеями по линии запад–восток от северной до южной границы кургана, охватывая неизученную часть насыпи до уровня материка [12, с. 71].

В публикациях Е. Р. Романова также приведены детальное описание устройства погребений, размеры насыпей, стратиграфическая структура кургана.

При этом Е. Р. Романов является первым среди могилевских археологов, кто указывает достаточно точную датировку погребений [24, с. 124–125].

Указанные методические приемы дали возможность на высоком научном уровне исследовать такой ценный источник, как курганное погребение. Е. Р. Романову удалось детально изучить и провести реконструкцию погребального обряда могильника у д. Грязивец Чаусского уезда. Проведя тщательную зачистку, ученый обнаружил и описал еще одно уникальное с точки зрения погребальной обрядности захоронение. Исследуя неполное трупосожжение, Е. Р. Романов установил размеры деревянной конструкции и количество плах, из которых она состояла. Им была определена и ориентировка костяка. На основе полученного материала ученый предложил авторскую реконструкцию процесса погребения умершего [28, с. 30].

Производя раскопки у д. Радомля Чаусского уезда, исследователь обнаружил женское погребение радимичанки, которое безошибочно отнес к этому племенному союзу и верно датировал X–XI вв. [24, с. 125; 26, с. 88].

Е. Р. Романов разделил погребения на два вида: трупосожжение и обыкновенное (труположение). В первом он выделил три типа, а во втором – два [22, с. 11–12; 27, с. 88].

Ученый заметил, что погребения в гробу в подкурганных ямах встречаются чаще, нежели в гробу на материке. Гробы он подразделил на цельные дубовые колоды с массивной крышкой или продольной половиной бревна и из дубовых досок, поставленных ребром по краям могилы. Два других типа гроба он описывает как простые. Е. Р. Романов отмечает, что покойного клали на спину, головой, как правило, на запад. Лицо иногда могли прикрыть берестой. Руки были вытянуты вдоль туловища или лежали на животе [27, с. 90–91].

Относительно трупосожжений Е. Р. Романов отмечал, что остатки кремации могли размещаться на уровне горизонта или же на подсыпке, на которой производилось погребение [27, с. 89–90]. «Трупосожжение в могиле» на месте погребальной насыпи ученый обнаружил в Быховском уезде. При этом Романов не просто классифицировал и констатировал обнаруженные погребения, а сопоставил их с летописными сообщениями Нестора и письменными свидетельствами арабских авторов [27, с. 89–90].

Ученый опроверг мнение о том, что впадины на вершинах курганов образовались от разрушения саркофагов с погребением и оседанием грунта [27, с. 87].

Е. Р. Романов не просто раскапывал курганы, он стремился интерпретировать сущность зафиксированного им погребального инвентаря как элемента веры в загробное существование человека на том

свете. Люди снабжали своих умерших теми предметами, которые могли им понадобиться после смерти [27, с. 85].

Важнейшей составляющей в научной деятельности Е. Р. Романова является работа над археологической картой Могилевской губернии. С 1895 по 1906 г. ученый собирал сведения, лично обследовал и проводил исследования на археологических памятниках Могилевщины. А еще ранее, в 1893 г., на IX Археологическом съезде в Вильно Е. Р. Романов выступил с докладом «О дополнительных археологических мѣстонахождениях», в котором сообщил об открытых и обследованных им курганных группах в 11 уездах Могилевской губ. [23, с. 44–45]. К сожалению, карта так и не была издана, однако в 1971 г. в Центральном архиве Украины в городе Львове была обнаружена рукопись труда Е. Р. Романова. Она представляет собой сводную таблицу памятников археологии 11 уездов Могилевской губ. [22, с. 13–44].

В 1892 г. изучением курганных древностей в центральной и юго-восточной частях Могилевской губернии занимались директор Могилевской гимназии М. В. Фурсов и чиновник по особым поручениям при губернаторе С. Ю. Чоловский. По поручению губернатора А. С. Дембовецкого ими были проведены систематические раскопки на территории пяти уездов: Быховского, Рогачевского, Чериковского, Климовичского и Мстиславского. В 1893 г. по поручению губернатора С. Ю. Чоловский произвел дополнительные исследования в центральных уездах губернии [2, с. 446].

М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский обследовали 30 курганных могильников по берегам р. Днепр и Сож и их притокам, выявили около 350 курганов [15, с. 8; 21, с. 4; 29, с. 4; 35]. Осуществляя археологические раскопки, исследователи детально фиксировали в полевом дневнике обнаруженные погребения и сопровождающий их материал. Через некоторое время после раскопок их записи были опубликованы [35]. При проведении раскопок исследователями фиксировались погребения в гробах, сбитых коваными гвоздями. В могильнике Кулешовка Климовичского уезда ими было обнаружено биритуальное погребение. В насыпи был положен мужской костяк, рядом с которым находилось женское трупосожжение [2, с. 447–448]. При раскопках погребений ученые зафиксировали использование в них бересты [35, с. LX]. В курганной насыпи у д. Палуж Чериковского уезда была зафиксирована яма, дно которой было выложено берестой. Заполнение ямы составляли пепел и зола [2, с. 450]. В 1903 г. С. Ю. Чоловский произвел раскопки двух насыпей у д. Васильевка Чериковского уезда. Исследователь обнаружил мужское погребение с топором и детское безинвентарное захоронение [36, с. 47–48].

Для современных археологов дневники раскопок М. В. Фурсова и С. Ю. Чоловского являются ценным источником результатов дореволюционных исследований курганных некрополей Могилевско-го Поднепровья и Посожья. Записи исследователей носят исключительно описательный характер и тем самым максимально объективны. В трудах этих авторов нет попыток анализа и интерпретации полученных сведений. По результатам проведенных изысканий исследователями составлена археологическая карта курганных могильников по пяти уездам Могилевской губернии. Дневник раскопок сопровождается прорисовкой наиболее репрезентативных индивидуальных находок.

Крупномасштабная работа по исследованию курганных некрополей эпохи Киевской Руси была проведена доцентом Киевской Духовной Академии В. З. Завитневичем. Ученый проводил работы по исследованию племенного союза дреговичей. На Могилевщине В. З. Завитневич в течение 1892 г. исследовал 234 насыпи в 26 курганных некрополях региона [10, с. 52].

В своих статьях ученый отмечает, что обнаруженным в курганах научным материалом следует пользоваться надлежащим образом. При раскопках насыпей необходимо отмечать расположение вещей в погребении, ориентировку костяка и его положение относительно горизонта. Для этого необходимо вести дневник раскопок, в противном случае, по мнению ученого, историческая ценность раскопок кургана будет утрачена для науки [7, с. 9–10].

Однако, несмотря на колоссальный труд ученого, остается не вполне ясным его методика исследования насыпей. В публикациях В. З. Завитневича дано подробное описание расположения погребенных, сопровождающего материала, мощность угольных прослоек и песка. При этом сложно определить: раскрывалась насыпь полностью или только ее часть, курган исследовали секторами или же при помощи траншей. Критика В. З. Завитневича, направленная в сторону графа Е. Тышкевича, позволяет думать, что раскопки «колодцем» исследователь считал варварским методом. При описании исследованных насыпей в Моховском некрополе дано описание слоя золы, на котором находилось погребение, а также указаны границы этого золного пятна [5, с. 13–14]. Исследуя самую большую насыпь в могильнике в урочище Козаков Сад на Гомельщине, ученый характеризует его «этажным», в силу нахождения в насыпи трех ярусов погребений. В описании раскопок исследователь указывает расположение костяка в южной стороне насыпи, другого – севернее него. Он также описывает нижний угольный слой, указывая, что его толщина от центра к периферии уменьшается [5, с. 33–34]. Очевидно, ученый был знаком с трудами Д. Я. Самоквасова, так как практически

дословно повторяет ранее озвученные постулаты. Так, В. З. Завитневич вслед за Д. Я. Самоквасовым отмечает важность не только добытых находок, но и их контекст, их «место» в погребении, а также важность ориентировки костяка и уровень его залегания в насыпи. Все эти факты должны быть отражены в дневнике раскопок. При отсутствии дневника раскопанный курган должен быть признан уничтоженным для науки. По этой же причине профессор В. З. Завитневич критикует графа Константина Тышкевича, крайне неудовлетворительно охарактеризовав его научные труды [7, с. 9–10]. Указанная позиция В. З. Завитневича позволяет думать, что курганы он исследовал полностью.

В публикациях ученого часто встречается упоминание об окологурганном ровиках [5, с. 13]. Отсутствие описания их размеров, глубины и характера заполнения указывают на незаконченность их изучения. Однако то количество насыпей, которое исследовал ученый в течение одного сезона, поражает своим масштабом и указывает на быстроту раскопок. Во время второй археологической экскурсии в Припятское Полесье В. З. Завитневич раскопал 245 курганных насыпей [9, с. 8], а при проведении археологических работ в бассейне р. Березина в 1892 г. им было исследовано 234 кургана [5, с. 44]. Всего ученый, используя различные методики исследования, раскопал на территории Беларуси 647 насыпей [12, с. 71].

Важным является применение В. З. Завитневичем статистического метода и картографирования, которое позволило ему сделать выводы о несовпадении расселения дреговичей с этнографическими границами белорусов [8, с. 223].

В своих раскопках ученый отмечал различные типы погребений: трупоположения в насыпи, трупосожжения, трупоположения в подкурганных ямах, сооружение которых он объяснял невозможностью возведения высокой насыпи. Резко доминировали погребения на горизонте. Исследователь привел статистические данные – 190 (70 %) от всех погребений. Однако он ошибочно считал такой тип погребений этническим, характерным только для племен дреговичей [10, с. 54].

Статистически, на основании собственных исследований, В. З. Завитневич отмечал, что на данной территории погребения «на поверхности земли» составляли 77 % [9, с. 9]. Данную форму погребальной обрядности ученый считал отличительным признаком дреговичских погребений [10, с. 54].

Обряд трупосожжения и погребения в насыпи исследователь характеризовал как явление «случайное, заносное» на дреговичской территории по причине их редкой встречаемости [9, с. 8].

Интересным фактом является то, что исследователь проводил археологические раскопки с целью

выяснения господствующего типа погребальной обрядности в конкретном могильнике. При этом В. З. Завитневич целенаправленно исследовал курганные насыпи в разных точках некрополя. Примечательно, что при этом ученый в каждом из некрополей в разных его частях раскапывал по несколько больших, средних и малых насыпей, для того чтобы уловить закономерность отдельных элементов погребальной обрядности [6, с. 7].

Исследователь отмечает наличие у курганов рвов, которые окружали насыпи. Как правило, это четыре рва, разделенные переходами. Не решаясь приписать ровиками какого-либо ритуального контекста, В. З. Завитневич определял их образование, вследствие выемки грунта при насыпке кургана, а относительно полесских курганов ученый высказал мнение об их охранительной функции от влажного грунта болотистой местности [10, с. 53].

Полученные при раскопках материалы и зафиксированные элементы насыпи позволяли исследователю реконструировать погребальный обряд трупосожжения и порядок возведения насыпи. Фиксация зольно-угольного слоя под костяками позволяла говорить о том, что на выбранном месте, на поверхности земли, предварительно разводили костер, на котором сжигали умершего с жертвенными животными. После сгорания остатки собирали в урну, затем горшок с кремацией размещали на месте сожжения либо на подсыпке, или устанавливали столб и на него помещали урну с последующим возведением насыпи над столбом [5, с. 22]. Исследователь, исходя из прагматических рассуждений, пришел к выводу, что урну на столбе оставляли не засыпанной [5, с. 23].

Примечательным и даже в некоторой степени комическим является неосознанное открытие В. З. Завитневичем общеславянской ойкумены в Белорусском Полесье. Почти за полвека до выделения И. Борковским Пражской культуры, осуществляя археологическую экскурсию в Припятское Полесье и любуясь красотой местных женщин, ученый отметил: *«людей более красивых в физическом отношении, что особенно следует сказать о женщинах, и более симпатичных в нравственном отношении я не встречал... Вообще, если бы меня спросили, где можно отыскать чистый тип тех славян, которые так симпатично выступают у некоторых древних летописцев, я указал бы Полесье»* [6, с. 16]. Современные исследования Белорусского Полесья отечественными археологами подтвердили это его интуитивное предположение [1, с. 217–220].

В. З. Завитневичем был проделан колоссальный исследовательский труд, заданы импульсы и концептуальные подходы в вопросе исторического познания посредством привлечения археологических источников. Однако краткая публикация результатов его исследований и отсутствие иллюстративно-

го сопровождения в значительной степени лишают современных исследователей ценной и невосполнимой информации, полученной этим ученым.

Отдельно следует упомянуть о несистематических и фрагментарных раскопках, произведенных в XIX в. В 1863 или 1864 г., по сообщению Н. П. Авенариуса, член проверочной комиссии Л. Спигачев провел археологические раскопки в могильнике у д. Эсьмоны, однако результаты его изысканий неизвестны [20, с. 45].

В литературе имеются краткие сведения о раскопках курганов врачом К. К. Каменским в 1880-х годах. Им были исследованы две насыпи у д. Тимоново на Климовщине. Известно, что в погребениях были обнаружены предметы, относящиеся к женским украшениям [16, с. 15, 48].

Сведения о раскопках курганных насыпей на Могилевщине содержит краткое сообщение Н. Е. Бранденбурга на заседании Императорского Русского Археологического общества в 1886 г. Из его сообщения известно о проведении раскопок курганных насыпей местной помещицей Борейшей в Мстиславском уезде на берегах р. Сож. В насыпях были зафиксированы следы кострищ, горшки, кости животных [11, с. XV]. В описании В. Г. Краснянским г. Мстиславль содержатся сведения о раскопках курганов генералом Бранденбургом. Раскопки были проведены на могильниках у д. Печковка и в имении Вехраны (Вихряны). В насыпях были зафиксированы погребения, произведенные по обряду трупосожжения [18, с. 8, 41].

В 1887 г. раскопки у д. Эсьмоны осуществил преподаватель Белостокского реального училища Ф. И. Шимоновский. Он провел раскопки двух насыпей, в которых обнаружил захоронения в сидячем положении. В 1889 г. изучение могильника исследователь продолжил совместно с Н. П. Авенариусом [20, с. 45].

В 1890 г. пять насыпей на территории Мстиславского и Быховского уездов были исследованы В. И. Сизовым [17, с. 26, 118; 21, с. 4; 33, с. 5–6]. В могильнике у д. Красная Слобода ученый раскопал одну насыпь. Им были найдены медные височные кольца, тельный крест с кольцом, массивное медное кольцо, две сердоликовые и несколько золотостеклянных бусин на нитке [17, с. 118; 33, с. 141]. У д. Куровичи В. И. Сизов раскопал четыре насыпи, в которых были обнаружены погребения, произведенные по обряду трупоположения. При них зафиксированы фрагменты горшков, височные кольца, шейная гривна, бусы, подвески [21, с. 164; 33, с. 140–141].

В 1896 г. преподаватель реального училища П. М. Еременко произвел раскопки в курганном могильнике у д. Поляниновичи Быховского уезда. Известно, что при раскопках им были обнаружены

погребения, произведенные по обряду труположения [14, с. 22, 147; 15, с. 8].

Дореволуционный период исследования курганных древностей Могилевского Поднепровья и Посожья можно охарактеризовать как период накопления первичных знаний об этих погребальных памятниках, когда ученые осуществляли первые попытки установления племенных границ восточно-

славянских племенных союзов путем сопоставления летописных сведений с материалами археологических раскопок [6, с. 8; 7, с. 52, 54; 28, с. 124–125]. Исследователи предпринимали успешные попытки датировки археологического материала и погребений в целом, осуществляли первые попытки реконструкции восточнославянской курганной погребальной обрядности и ее типологии.

Литература

1. Археалогія Беларусі : энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2 : Л–Я. – 464 с.
2. Археологічныя звесткі і замѣтки издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ обществомъ / подъ ред. дѣйствительнаго члена А. В. Орѣшникова. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1893. – Т. 1. – С. 447–450.
3. Богомольников, В. В. О находках из Вотни на Днепре / В. В. Богомольников, Т. В. Равдина // СА. – 1979. – № 2. – С. 207–213.
4. Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. – М., 1874. – Т. IV, вып. 1.
5. Завитневич, В. З. Вторая археологическая экскурсія в Припетское Полѣсье / В. З. Завитневич // Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-летописца. – Киев, 1890. – Кн. IV. – С. 11–74.
6. Завитневич, В. З. Изъ археологической экскурсії въ Припетское Полѣсье (со снимками) / В. З. Завитневич // Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-летописца. – Киев, 1890. – Кн. IV. – С. 1–29.
7. Завитневич, В. З. О курганахъ Минской губерніи / В. З. Завитневич // Календарь Сѣверо-Западнаго Края на 1890 г. – М., 1890. – С. 9–15.
8. Завитневич, В. З. Формы погребальнаго обряда въ могильныхъ курганахъ Минской губерніи / В. З. Завитневич // Археологическія звесткі и замѣтки издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ обществомъ / подъ ред. дѣйствительнаго члена А. В. Орѣшникова. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1893. – Т. 1. – С. 314–316.
9. Завитневич, В. З. Археологическія розысканія в бассейне р. Березины, произведенныхъ лѣтомъ 1893 г. / В. З. Завитневич // Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-летописца. – Киев, 1894. – Кн. VIII. – С. 8–9.
10. Завитневич, В. З. Раскопки въ Минской губерніи / В. З. Завитневич // Отчетъ Императорской Археологической комиссіи за 1892 год. – СПб. : Типография Главнаго управленія удѣлов, – 1894. – С. 52–55.
11. Записки Отделения русской и славянской археологии Императорскаго Русскаго Археологическаго общества. – СПб., 1887. – Т. IV. – 556 с.
12. Заяц, Ю. А. Характеристика методик и направлений изучения средневековых могильников / Ю. А. Заяц // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск, 2013. – Вып. 24 : Даследаванне сярэдневековых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца). – С. 69–76.
13. Каханюўскі, Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / Г. А. Каханюўскі ; навук. рэд. Л. Д. Побаль. – Мінск, 1984. – 120 с.
14. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Быховского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 1995. – 177 с.
15. Копытин, В. Ф. К истории археологического изучения Могилевщины в дореволуционное время / В. Ф. Копытин // Магілёўшчына. – Магілёў, 1995. – Вып. VI. – С. 3–11.
16. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Климовичского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 1998. – 95 с.
17. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Славгородского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 158 с.
18. Краснянскій, В. Г. Городъ Мстиславль (Могилевской губерніи) / В. Г. Краснянскій. – Вильна, 1912. – 99 с.
19. Мышенков, Н. Курганы Бобруйскаго уѣзда Минской губерніи (Исслѣдованія 1888 г.) / Н. Мышенков // Вѣстникъ археалогіи и исторіи. – СПб., 1892. – Вып. IX. – С. 59–97.
20. Отчет Императорской Археологической комиссіи за 1889 годъ. – С.-Петербургъ, 1892. – С. 38–45.
21. Риер, Я. Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв.: по археологическим данным / Я. Г. Риер. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 176 с.
22. Романов Е. Р. 3 гісторыка-археалогічнай спадчыны / под. ред. И. А. Марзалюка. – Магілёў : МДУ, 2006. – 237 с.
23. Романовъ, Е. Р. О дополнительныхъ археологическихъ мѣстоаходженіяхъ // Труды Виленскаго Отдѣленія Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству в Вильне IX Археологическаго съѣзда. – Вильна, 1893. – С. 43–45.
24. Романовъ, Е. Р. Двѣ археологическія развѣдки / Е. Р. Романовъ // Могилевская старина. – Могилев, 1903. – Вып. 3. – С. 124–127.
25. Романовъ, Е. Р. Краткія указанія для совершенія археологическихъ экскурсій средними учебными заведеніями Виленскаго учебнаго округа / Е. Р. Романовъ. – СПб., [1903 ?]. – 14 с.

26. Романовъ, Е. Двѣ археологическія развѣдки / Е. Романов // Извѣстія Императорской Археологической комисіи. – СПб., 1904. – Вып. 9 (прибавленіе). – С. 46–47.
27. Романовъ, Е. Р. Старина доисторическая Северо-Западного края / Е. Р. Романовъ // Виленскій календарь на 1908 год. – Вильна. – 1908. – С. 65–110.
28. Романовъ, Е. Р. Археологическія развѣдки въ Могилевской губерніи / Е. Р. Романовъ. – Вильна, 1912. – 31 с.
29. Рыер, Я. Р. Першыя даследчыкі старажытнай Магілёўшчыны // Магілёўская праўда. – 1970. – 2 ліп. – С. 4.
30. Рябцевич, В. Н. Нумизматика Беларусі / В. Н. Рябцевич. – Минск : Полымя, 1995. – 687 с.
31. Самоквасов, Д. Я. Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей / Д. Я. Самоквасов. – М. 1908. – 271 с.
32. Самоквасов, Д. Я. Раскопки древнихъ могилъ и описаніе, храненіе и изданіе могильныхъ древностей / Д. Я. Самоквасов. – М. 1908. – 24 с.
33. Сизов, В. И. Отчетъ о раскопкахъ въ Смоленской и Могилевской губерніяхъ в 1890 г. // Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго общества. Протоколы. – М., 1894. – Т. 15, вып. 2 – С. 5–6.
34. Турбин, Н. М. Раскопки 1885 года / Н. М. Турбин // Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. – М., 1886. – Т. 11, вып. 2. – С. 83–86.
35. Фурсов, М. В. Дневникъ курганныхъ раскопокъ, проведенныхъ по порученію Г. Начальника Могилевской губерніи, Александра Станиславовича Дембовецкаго, въ теченіи 1892 г. въ Рогачевскомъ, Быховскомъ, Климовичскомъ, Чериковскомъ и Мстиславскомъ д. ст. сов. Фурсовымъ и Старшимъ Чиновникомъ по особымъ порученіямъ при Губернаторѣ Сем. Юл. Чоловскимъ / М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловскій // Памятная книжка Могилевской губерніи на 1893 годъ. – Могилевъ на Днѣпрѣ, 1893. – С. XXV–LIII.
36. Чоловскій, С. Археологическія раскопки 5 и 6 октября 1903 года / С. Чоловскій // Извѣстія Императорской Археологической комисіи. – С.-Петербург, 1904. – Вып. 9 (прибавленіе). – С. 46–47.
37. Narbut, T. Dzieje starozytne narodu litewskiego / T. Narbut. – Wilno, 1838. – Т. III. – 611 с.

Рэзюмэ

А. М. Аўласовіч

Гістарыяграфія і методыка археалагічнага вывучэння курганных некропаляў эпохі Старажытнай Русі на тэрыторыі Магілёўскага Падняпроўя і Пасожжа ў дарэвалюцыйны перыяд

Артыкул прысвечаны дарэвалюцыйнаму вывучэнню курганных могільнікаў на тэрыторыі Магілёўскага Падняпроўя і Пасожжа. Асаблівая ўвага нададзена фарміраванню методык раскопак курганных насыпаў, а таксама канцэптуальным інтэрпрэтацыям навукоўцаў XIX – пачатку XX ст. па выніках уласных даследаванняў.

Summary

A. Avlasovich

The historiography and methodology of archeological study of mound barrows of Ancient Rus' at the territory of Dnepr and Sozh in the prerevolutionary period

The article is focused on the prerevolutionary study mound barrows at the territory of Dnepr and Sozh. The most attention is paid to the formation of the methods of excavation of mound barrows and conceptual retreatments of the scientists of the 19th – the beginning of the 20th century researchs.

Поступила 05.11.2015 г.